

На Третьем Украинском фронте наступило относительное затишье. Противник, потеряв под Балатоном и Секешфехерваром одиннадцать танковых дивизий, - последнюю свою надежду - спешно отступал. Напряженными были февральские и мартовские дни, да и ночи тоже. Второй месяц - в постоянной боевой готовности, в передвижении. Десятки окопов, щелей, землянок, укрытий.... Иначе нельзя. Хочешь победить и остаться в живых - не ленись: рой окоп для пушки, щели и траншеи для себя, находи укрытие для машины. Мозоли на ладонях задубели. Весеннее солнце и ветры закалили ребят: никто не болел, не жаловался.

Раннее первоапрельское утро. Солнце только-только выглянуло из-за сопки. В кабине «Шевроле» тепло и уютно. Под монотонный гул мотора дремлет. Всю ночь в движении. Водитель - Ваня Лихолетов - молодец, внимателен и аккуратен. Шахтер с Донбасса, испытавший немало потрясений в коллективизации и в авариях на шахте, самый старший в оружейном расчете, по-хозяйски ухаживает за новенькой американской машиной, по-отцовски заботится о нас, девятнадцатилетних. Я знал, что ребята в кузове машины спят не на голом полу, а на шерстяном войлоке.

Длинной извилистой лентой растянулась колонна машин и конных повозок. Дорога, пересекающая открытую долину, изрыта воронками. Впереди колонны - саперы с миноискателями. Немцы не жалели мин - противотанковых и противопехотных. За-

ПОЕДИНОК

маскированные в самых неожиданных местах по дороге и на обочинах, они стали причиной подрыва нескольких танков и гибели десятков солдат. Свернуть с дороги и обогнать колонну - опасно. Вот и причина малой скорости передвижения.

- Воздух! Воздух!! - прозвучал по колонне тревожный сигнал. - В небе рама! Любой солдат знал, что такое «рама». Появилась она в небе - жди неприятностей: то «юнкеры» налетят и начнут пикировать, то «мессеры» - вынырнут из-за гор и стрелой пролетят над колонной.

«Рама» - самолет-разведчик Фокке-Вульф-189, тихоходный, бронированный, летает на большой высоте. Зенитки поразить его не могут. А «рамой» его прозвали за двойной фюзеляж.

Оживилась и ускорила колонна, засуетились командиры. Вон и наш комбат старлей Лалаян выглянул из кабины. Минут пять-шесть разведчик помаячил в высоте и как-то незаметно скрылся за лесными горными вершинами.

- Ну, теперь держись, - обронил мой водитель. - Надо ребят поднимать, пусть будут наготове.

Но прошло более часа, колонна продолжала движение. Никто не нападал ни с неба, ни с земли. Кто-то в кузове проворчал: «Неделю нормально не спали, и тут отдохнуть не дают».

Вдруг в голове колонны послышались стрельба и взрывы. Два «мессера» на малой высоте мчались над колонной. Крупнокалиберные пулеметы строчили по машинам, десятки небольших бомб разорвались на земле. Впереди горели

машины, слышались стоны. В нашем дивизионе никто не пострадал.

- Пронесло, - с облегчением сказал Иван.

- Батарея! К бою! - раздалась команда нашего молодого и горячего комбата. Но тут же последовала другая команда - «оставить». Это голос командира дивизиона майора Вознюка. Имея большой боевой опыт, он понимал, что отцеплять пушки от машин и приводить их в боевую готовность - это значит перегородить дорогу, остановить движение. Да и вести огонь из пушек по самолетам, летящим с большой скоростью над головами людей, - бесполезно и опасно.

Понятно, что в машине оставаться нельзя, надо залечь по кюветам. Самолеты могут развернуться и повторить налет. Полусонные парни, выскочив из-под тента на свежий воздух, разминались, переталкивались, посмеивались над немецким летчиком:

- Нас фашистская пуля не берет, - бахвалился Кизименко, один из наводчиков.

Впереди нашей машины в открытом кузове ЗИС-5 двое солдат устанавливали крупнокалиберный зенитный пулемет. Комбат был прав: самолеты зашли с хвоста колонны, начали обстрел и бомбометание. Все, кроме пулеметчиков, рассыпались по кюветам. Зенитчики встретили истребителей короткими очередями. Ведущий самолет пролетел над нашими головами, а ведомый как-то закачался и, оставляя за собой дымный шлейф, накренился и штопором пошел

вниз. Через несколько секунд мы услышали взрыв.

Летчик первого самолета решил, видимо, отомстить зенитчикам за гибель своего напарника, скоро развернулся и, сделав вираж, на бреющем полете пошел, словно стервятник, прямо на пулемет. Второй номер пулеметного расчета покачнулся, присел и замертво свалился на днище кузова.

Наводчик, он же командир расчета, левой рукой держался за живот, а правой нажимал гашетку и продолжал стрелять. Он терял сознание, но, видимо, успел заметить пикирующее падение самолета противника. Все свершилось в считанные секунды. Сотни солдат и командиров стали свидетелями этого поединка. К героям-пулеметчикам бежали солдаты с санитарными сумками. Но было уже поздно: младший сержант Минин, уроженец Северного Урала, умирал на руках водителя ЗИСа. Разрывная пуля вывернула наизнанку кишечник. Как он мог устоять, не выпустить пулемет и послать вслед самолету поражающую очередь?!

Похоронили младшего сержанта Минина, рядового Прокопенко и еще двоих солдат из колонны в неглубокую братскую могилу рядом с дорогой. Мне кажется, все еще слышу звуки того мощного оружейного залпа, которым однополчане проводили героев в последний путь.

Впереди - пограничный венгерский город Кесег, а дальше - Винер-Нойштадт и столица Австрии - Вена.

Геннадий ЧЕБЫКИН